

О жизни и о себе

ИНТЕРВЬЮ

С ГАБРИЭЛЕМ ГАРСИА МАРКЕСОМ

(Перевод с испанского Мигеля Паласио)

Габриэль Гарсиа Маркес в представлениях не нуждается. Произведения величайшего колумбийского писателя уже около сорока лет остаются одними из самых читаемых в России. Его знаменитый роман-эпопея «Сто лет одиночества» был переведен на русский язык в начале 1970-х годов и произвел фурор среди советской читающей публики, став любимой книгой нескольких поколений россиян. Можно с уверенностью сказать, что в России Гарсиа Маркеса любят и ценят не меньше, чем на родине, в Колумбии.

Писатель неоднократно посещал Россию, пытался понять, что в действительности происходит в этой загадочной стране, чем живет ее народ. Первый раз он приехал в СССР в 1957 году на Всемирный фестиваль молодежи и студентов, будучи никому не известным 30-летним журналистом. Во второй раз он нанес визит в Советский Союз в качестве маститого прозаика, за плечами которого были сотни рассказов, новелл, повестей, публицистических работ и несколько монументальных романов. Именно тогда, в далеком 1979 году, впервые состоялось общение Гарсиа Маркеса с его огромной советской аудиторией. Кстати, во многих интервью писатель говорил, что его лучшие читатели живут в России.

В последний раз маэстро побывал в СССР в 1987 году. За прошедшее время его официальный статус заметно вырос: в 1982 году ему была присуждена Нобелевская премия в области литературы. Геня мировой новеллистики принял в Кремле М.С. Горбачев. После этой встречи Гарсиа Маркес сказал: «Я почувствовал, что мир стал надежнее. И это, пожалуй, главное». Во время своего пребывания в Москве дон Габриэль дал множество интервью, снялся в документальном фильме ленинградских кинематографистов, присутствовал на Московском международном кинофестивале, посетил репетицию спектакля, поставленного по мотивам «Ста лет одиночества» в молодежном театре-студии.

Недавно в частной беседе Великий Колумбиец признался, что очень хочет вновь увидеть Россию, любовь к которой пронес через всю жизнь.

«Литературный патриарх» (сам писатель весьма скептически относится к этому титулу), превозмогая тяжелую болезнь, продолжает удивлять мир. В 2002 году он выпустил первый том из задуманной трилогии мемуаров «Жить, чтобы рассказать о жизни», мгновенно возглавивший списки бестселлеров в Латинской Америке, США и Западной Европе. Помимо литературного творчества, Гарсиа Маркес принимает участие в крупных культурных и общественных мероприятиях, возглавляет Фонд нового латиноамериканского кино, преподает в гаванской Школе кино и телевидения. С 1999 года он является владельцем колумбийского журнала «Камбьо».

Предлагаемое вниманию читателей эксклюзивное интервью Гарсиа Маркеса – отнюдь не первая публикация за его подписью в нашем журнале. В № 1 за 2004 год увидел свет очерк писателя «Размышления о «загадках России», в котором он рассказал о знакомстве с СССР в 1957 году.

1. Кто был Вашим значимым учителем?

Для меня учителя – это те люди, которые оказали влияние на становление личности, выбор жизненного пути, развитие способностей и наклонностей. Таких людей в моей жизни было немало. Прежде всего, это мой дед по материнской линии полковник Николас Рикардо Маркес Мехия. Дед был искусным ювелиром, изготавливал из золота рыбок, кольца, цепочки, браслеты и многое другое. Я рос в его доме. Он многому научил меня, рассказывал о гражданских войнах, в которых участвовал, растолковывал явления природы. Я просто засыпал его вопросами о значении того или иного слова, и дед часто был вынужден обращаться за помощью к словарю. Не было такого случая, чтобы он не удовлетворил ненасытное любопытство внука. Полковник Маркес – единственный из моих близких, кто понимал меня. В детстве и юности я много фантазировал, сочинял, придумывал события и несуществующих друзей, убеждал всех, что тяжело болен, хотя на самом деле был здоров. Мне хотелось сделать

* На протяжении XIX века в Колумбии практически непрерывно велись войны между либералами и консерваторами. Их политические распри и вооруженные конфликты задавали тон всей колумбийской истории. (Здесь и далее примечания переводчика.)

жизнь интереснее, разукрасить ее яркими красками. За это меня ругали, называли вруном и болтуном. Только дедушка никогда не осуждал мои фантазии. Наверное, он разглядел в маленьком лгунишке будущего писателя. Однажды, показывая кому-то нарисованные мною комиксы, дед сказал: «Он сочиняет истории с пеленок». Когда он умер, мне было восемь лет. Вся моя писательская работа – это попытка описать, понять то, что произошло со мной и окружающим меня миром в те самые восемь лет.

Другой человек, которого я также могу назвать учителем, – мой лицейский преподаватель испанского языка и литературы Карлос Хулио Кальдерон Эрмида. Я был его любимчиком. Дон Карлос был в лицее префектом дисциплины, и когда мне за очередную выходку полагалось строгое наказание, он сажал меня за парту и приказывал... написать рассказ к завтрашнему дню. Именно он натолкнул меня на мысль писать. Ему я показывал свои стихи, и по его инициативе мои поэтические творения напечатала лицейская литературная газета. Все эти стихи я посвящал своей тогдашней возлюбленной. Также благодаря Кальдерону одно из моих стихотворений опубликовала «Эль Тьемпо»^{*}. Мой лицейский учитель был первым человеком, которому я подарил экземпляр своей первой книги «Палая листва».

Если говорить об учителях в литературе, то тут я могу назвать четыре имени. Вообще литературное влияние – крайне занимательная вещь. Она давно интересует меня. Когда я был совсем еще юным, мне попал в руки сборник рассказов Кафки «Метаморфозы». Я пережил настоящий шок, читая эту книгу. Помню, я подумал: «Вот оно! Если это и есть литература, значит стоит писать». Кафка показал мне, что то, что я считал запрещенным, недопустимым в литературе, на самом деле можно и нужно делать. Я взял бумагу, ручку и сел писать. Под влиянием Кафки родились мои первые рассказы. Сейчас их постоянно включают в антологии моих произведений. Я не одобряю этого, поскольку мои первые литературные опусы излишне интеллектуализированы и не имеют ничего общего ни с моей жизнью, ни с реальностью в целом. Это было не то, что я хотел сказать людям.

Многому научил меня и Уильям Фолкнер. Точнее, он подтвердил мои собственные умозаключения. Описываемый им мир невероятно похож на тот, о котором хотел написать я. Фолкнер рассказывал о жизни на

* «Эль Тьемпо» – одна из ведущих колумбийских газет.

Юге США. Эти места имеют много общего с поселком Аракатака на Карибском побережье Колумбии, где я появился на свет. Пастбища, пальмы, крытые цинком крыши домов, железнодорожные вагоны – все это есть и на юге Штатов, и в моих родных краях. Дело в том, что Аракатаку построила знаменитая «Юнайтед фрут компани», и она принесла с собой американский быт, образ жизни, самую атмосферу южных штатов, которые, кстати, долгое время были латинскими – они принадлежали Мексике, пока во второй половине XX века их не отхпали гринго*. Так что Фолкнер с его Йокнапатофом**, несмотря на пропасть между латиноамериканским и североамериканским миростроем и мировосприятием, тоже часть моего микрокосма.

Было еще одно, я бы сказал странное влияние – со стороны Вирджинии Вульф. Ее проза отличается фантастическим, невероятно острым ощущением мира и всех вещей, наполняющих его. И главное, поразительным ощущением времени. Она запечатлела самые что ни на есть конкретные, реальные секунды, минуты, часы, дни, но вместе с тем сохранила слепок целой вечности. Ее книги помогли мне писать.

И есть еще одно имя, которое я не могу не назвать. Это никарагуанский поэт Рубен Дарио. В его стихах – неповторимый, магический мир Карибской Америки. Я играл поэзией Дарио и стихами многих карибских народов в «Осени патриарха» – главной книге моей жизни. На мой взгляд, Дарио – самый типичный поэт для эпохи великих феодальных диктаторов. Он был незаменим для меня при написании книги о Патриархе, на протяжении всего романа я обыгрывал удивительный язык его стихотворных творений. Без него не было бы романа.

2. Вы удовлетворены своей жизнью и карьерой?

Мой ответ на этот вопрос будет положительным. В моем положении было бы по меньшей мере странно говорить о неудовлетворенности своей жизнью и карьерой. Хотя, точнее сказать, не в моем положении, а в моем возрасте. В 76 лет брыкаться, кривляться и строить из себя пожилого господина с «вечно юной душой», мечтающего «все начать сначала», – глупо. Я не

* «Гринго» в Латинской Америке называют североамериканцев.

** Йокнапатоф – вымышленный округ на Юге США, присутствующий в произведениях У.Фолкнера. Ряд романов и сборник рассказов писателя образуют хронику жизни нескольких семейств из этого округа на протяжении нескольких веков.

Фидель Кастро, который и сейчас готов очертя голову броситься в омут и живет с каким-то неестественным юношеским задором. В чем-то я завидую ему.

Не могу сказать, что меня удручают мои отнюдь не малые года. Я всегда был готов к старости. В возрасте десяти лет я имел прозвище «Старикан», потому что хотел казаться намного старше и, по мнению моих ровесников, мыслил и рассуждал как старый человек. Это непреодолимое желание казаться старше своих лет еще долго преследовало меня. Я часто ловил себя на мысли, что разговариваю как дедушка.

Знаковым рубежом моей жизни и писательской карьеры, которого я ждал и боялся почти полвека, было написание мемуаров. Я как мог оттягивал этот момент, поскольку не горел желанием подводить итоги своего существования на Земле, а хотел просто жить. И потом, я всегда рассказывал вымышленные истории, всякие небывлицы, а тут надо доверить читателям самую настоящую «голую» правду. Два года назад я перешагнул этот рубеж, опубликовав первый том мемуаров «Жить, чтобы рассказать о жизни». Все 579 страниц этой книги – чистая правда от Габриэля Гарсиа Маркеса. Записывать свои воспоминания я начал еще в 1989 году, но даже к 2002 году они не сложились в нечто, более или менее годившееся для публикации. Но мои издатели были иного мнения. Они подгоняли, торопили меня и буквально вырвали рукопись из моих рук. Мне пришлось вносить поправки – а их было более четырехсот – в уже набранный текст. В самый последний момент я включил эпиграф, отражающий лейтмотив книги: «Жизнь – это не то, что было пережито, а то, что ты об этом помнишь и то, как ты об этом рассказываешь».

Перейдя свой Рубикон, я обнаружил, что человек по имени Габриэль Гарсиа Маркес давно живет несколькими, как минимум двумя, жизнями. Одна из них – моя собственная, которую я знаю, по которой иду и которой дорожу. Другая же существует совершенно независимо, автономно от меня и имеет ко мне опосредованное отношение. В этой другой моей жизни подчас происходит то, что я сам не отваживаюсь делать.

Такое раздвоение произошло после того, как на меня обрушилась известность. В газетах и журналах стали появляться статьи и заметки о моем участии в мероприятиях, о которых я и понятия не имел. Из печати я узнаю о прочитанных мною в разных уголках земного шара лекциях, о своем присутствии на конференциях, презентациях, приемах, обнаруживаю интервью с собой. Самое удивительное то, что хотя я этих

интервью не давал, я готов подписаться под каждым словом. В моих интервью, выдуманных до последней точки, как ни странно, лучше, чем в интервью реальных, излагаются мои мысли, взгляды, вкусы.

И это еще что! Сколько раз, бывая в гостях у друзей, я незаметно проникал в библиотеку, отыскивал там свои книги, чтобы поставить автограф, и обнаруживал, что они уже надписаны моим почерком, моими излюбленными черными чернилами и в моем торопливом стиле. Я так ни разу и не решился признаться своим друзьям, обведенным кем-то вокруг пальца, что эти автографы – не мои. Доказать это было бы практически невозможно. К тому же, я не хочу, чтобы меня считали старым маразматиком.

Но и этим деяния моего таинственного двойника не ограничиваются. Путешествуя по миру, я везде встречаю людей, которые виделись со мной там, где меня никогда не было, и хранят о нашей встрече теплые воспоминания. Немало и тех, кто дружит или хорошо знаком с каким-нибудь моим родственником, который, судя по описаниям, оказывается лишь двойником настоящего члена моей семьи, да и то растерявшим почти все черты оригинала. В Мехико долгое время я регулярно встречал человека, рассказывавшего мне во всех живописных подробностях о буйных пьянках, в которых он участвовал вместе с моим братом Умберто из Акапулько. Однажды он сердечно поблагодарил меня за оказанную через брата услугу. Много лет я не мог собраться с духом признаться этому сеньору, что у меня нет никакого брата Умберто из Акапулько.

Подобных случаев в моей жизни было великое множество. Некоторые из них, наиболее примечательные, лет шестнадцать назад я собрал в статью, которую назвал «Мое второе «Я»». Я питал надежду, что мой двойник, прочитав эту статью, забеспокоится, что его «подвиги» стали достоянием гласности и прекратит вытворять неизвестно что от моего имени. Но не тут-то было. До сих пор до меня доносится эхо проделок моего второго «Я».

В последние годы конфузы, связанные с моей персоне, приобрели мрачный и даже жутковатый характер. Средства массовой информации с непонятным усердием начали меня хоронить. Много раз, включая телевизор или радио, я слышал загробный голос ведущего, сообщавшего: «Сегодня ушел из жизни Габриэль Гарсиа Маркес». Одно время меня это бесило, но в конце концов я свыкся с известиями о собственной смерти, случаемся не реже, чем раз в два месяца. Недавно в одном

ресторане в Мехико журналист сказал мне: «Маэстро, сегодня утром по радио объявили, что Вы скончались». Мне ничего не оставалось, как ответить: «Ну вот Вы и видите меня – совершенно скончавшегося». А пару лет назад какой-то умник разместил в Интернете прощальное письмо человечеству, якобы написанное мной. Я испытываю стыд и горечь, когда искренне любящие меня и искренне любимые мной поклонники принимают такую банальную пошлость за мое сочинение.

Все это, так сказать, издержки излишней известности. И ничего с этим не поделаешь. «Мое второе «Я» разгуливает по белу свету, не имея моего согласия, купается в лучах моей славы, делает все, что душе угодно и, наверное, даже не представляет, насколько мы не похожи. Пока оно, удовлетворенное моей жизнью и карьерой, наслаждается своим воображаемым существованием, я продолжаю стареть за письменным столом, тоскую по былому в гордом одиночестве и кручу в этой жизни, как могу.

3. Каково состояние Вашей души в настоящий момент?

Как минимум десять лет мою душу охватывают беспокойство и тревога. Слишком быстро наш мир меняется в худшую сторону, и эти пагубные изменения отражаются на каждом из нас. Если еще не так давно я довольно четко представлял течение жизни на нашей планете, то сейчас я не берусь судить, анализировать происходящие метаморфозы. Иногда мне кажется, что я вообще ничего не понимаю, ни в чем не смыслю. Может быть, я конченный романтик и мечтатель, но мне безразлично, каким будет мир завтра и послезавтра. Поэтому, в отличие от большинства моих коллег, я не стесняюсь во всеуслышание заявлять свое мнение, свою точку зрения. Многим это не нравится, и они осуждают мою активность. Осуждают мое решение, озвученное в печати, не приезжать в Испанию, которая для нас, колумбийцев, является праматерью, до тех пор, пока испанское правительство не отменит визовый режим для граждан Колумбии. Осуждают поддержку мною революционной Кубы. Осуждают мое участие в политических акциях, в том числе в мирных переговорах между колумбийскими властями и партизанами*. Конечно, мой голос мало что значит, так же как и го-

* В январе 1999 года Гарсиа Маркес принимал участие в исторической встрече между представителями Колумбийского государства и руководством крупнейшей ультралиберальной группировки страны Революционные Вооруженные Силы Колумбии.

лос любого в отдельности взятого человека. Никто не может в одиночку решить общечеловеческие, как сейчас модно говорить, глобальные проблемы. Необходимо предостеречь разобщенность людей, сопротивляться набирающему обороты во всем мире безмерному индивидуализму, вернуть первоначальный смысл донельзя опошленным и оскверненным понятиям дружбы, товарищества, любви. Я уверен, что это можно сделать. Необходимо лишь одно – чтобы к духовному возрождению мировой цивилизации приложили усилия абсолютно все. В этой связи мне вспоминается старый революционный лозунг: «Когда народ един – он непобедим», приобретающий новое звучание в наше беспокойное время.

4. Ваши планы на будущее?

Личные...

Мои личные планы – продолжать писать. Без своей работы я не смогу прожить и дня. Так что я тешу себя надеждой на то, что Всевышний даст мне силы реализовать все планы. В последние лет шесть я стал замечать за собой, что постоянно тороплюсь. Тороплюсь жить. Тороплюсь завершить мемуары. Тороплюсь сделать множество самых разнообразных вещей. Но при этом я стараюсь жить, как жил всегда. У меня по-прежнему есть масса желаний и не одна мечта. Одно из желаний, боюсь неосуществимое, – вернуть своих старых друзей. И смерть – не единственная преграда между нами. Есть еще одно обстоятельство. Часто мы с Мерседес* остаемся вечером дома совсем одни и всей душой желаем, чтобы нам позвонили друзья и пригласили в гости или еще куда-то. К сожалению, они заранее уверены, что трубку снимет живой памятник и непременно заявит, что у него сегодня важный прием или что он занят написанием очередного эпического романа и не собирается тратить свое драгоценное время на пустяки. Эта ситуация удручает. Вскрабавшись на вершину, я огляделся и испугался: вокруг никого нет. Необычайно страшно быть в изоляции при том, что почти 24 часа в сутки находишься у всех на виду. Вот оно – настоящее одиночество, которое так занимало меня всю мою писательскую жизнь. Власть одиночества и одиночество власти – главные темы моих романов, рассказов и повестей. Судьба сыграла со мной злую шутку: на закате жизни я сам оказался заперт в одиночество; одиночество славы, очень похожее на одиночество власти. Яркий при-

* Жена Гарсиа Маркеса.

мер одиночества власти – мой старинный друг и глубоко уважаемый мной национальный лидер Фидель Кастро, хотя сам он, мягко говоря, не разделяет эту мою теорию.

В семье...

Я очень люблю свою семью, своих родных и близких. Желая им только добра и по мере возможностей стараюсь доставлять им радость. Семейное благополучие – это и залог профессионального успеха. Мои литературные достижения во многом обусловлены любовью, поддержкой, участием моих родных. Всем сердцем хочу, чтобы разлука и разлад обходили стороной нашу семью.

5. Ваше отношение к своим родителям и предкам?

О своем деде я вам уже рассказал. О предках я мало что знаю. Родители отца были испанцами, но прожили всю жизнь в Колумбии. Отец деда по матери тоже был испанцем, выходцем из провинции Астурия. В Колумбию он приехал в погоне за богатством, которое сулил европейцам Новый Свет.

Мои русские друзья говорили, что внешне я похож на армянина. Что ж, возможно во мне действительно течет армянская кровь. Колумбия – страна переселенцев. На нашей земле соединились десятки наций и народностей. Немало здесь и армян. У нас даже есть город Армения.

Моя бабушка, Транкилина Игуаран Котес, была двоюродной сестрой деда. У них родилось трое детей – два сына и дочь. Бабушка была самой доверчивой и впечатлительной женщиной, какую я когда-либо встречал. Она была главной жертвой моей безудержной фантазии. Затаив дыхание, она слушала басни, придумывавшиеся мной на ходу, и в один прекрасный момент ее озарила гениальная мысль: ее внук – прорицатель. В итоге из-за моих «предсказаний» она едва не слегла.

Мою маму, Луису Сантьягу Маркес Игуаран, называли «цветком Аракатаки». Она была очень красивой и благовоспитанной. Отец, Габриэль Элихио Гарсиа Мартинес, был телеграфистом, впоследствии стал практикующим гомеопатом. Они поженились против воли маминих родителей. Полковник Маркес считал, что его единственная дочь не может выйти замуж за телеграфиста без гроша в кармане. И кроме того, дед был ярым либералом, а отец – убежденным консерватором. В Колумбии это серьезная причина для вражды.

Я был первенцем и родился 6 марта 1928 года^{*}. Мое появление на свет положило конец семейным распрям: отец и дед подали друг другу руки.

Маму я впервые увидел в два года. Меня подвели к ней и сказали: «Поздоровайся со своей мамой». Я был сильно удивлен, что эта женщина – моя мать. Только с того момента я ее и помню. Она была требовательной ко мне, поскольку считала, что я – старший из детей – так же, как и она, несу ответственность за решение семейных проблем. Я ее безмерно любил и ни с кем не был так искренен, как с ней. Не было темы, которую мы не обсуждали. На протяжении многих лет, где бы я ни находился, каждое воскресенье всегда в одно и то же время звонил ей по телефону. Этот звонок был важнейшей частью наших отношений.

Мама – лучший из моих читателей. Она безошибочно находила ключ ко всем моим книгам и всегда точно угадывала, кто являлся прототипом того или иного персонажа. Образ Сантьяги, героини «Хроники объявленной смерти», списан с моей мамы. Прочитав роман, она расстроилась, потому что всю жизнь пыталась скрыть свое, как она считала, некрасивое второе имя Сантьяга, а теперь о нем узнал весь мир.

С отцом у меня были сложные отношения. Я увидел его в первый раз в день его 33-летия. Мне тогда было уже шесть лет и девять месяцев. Много лет отец оставался для меня неким мифом. Он существовал в действительности, но в то же время его вроде бы и не было. Он то появлялся, то исчезал из моей жизни. Мне было семь лет, когда я переехал в дом родителей. В тот период понятие «мужчина» ассоциировалось у меня исключительно с дедом. Я стремился все делать, как он – говорить, ходить, есть, вести себя с людьми. Отец же абсолютно не походил на деда. В нем все было другим. Перемена семейного круга отразилась на моей жизни. Отец, в отличие от деда, был очень строг и даже суров со мной, ни разу не приласкал меня. Я понятия не имел, как мне строить с ним отношения. Вся проблема была в том, что я плохо знал своего отца.

^{*} Эта дата рождения, которую можно найти в энциклопедиях, справочниках, биографиях писателя, – одна из бесчисленных его выдумок. В действительности Габриэль Гарсиа Маркес родился 6 марта 1927 года. Доказательство тому – запись, сделанная 27 июля 1930 года в церковной книге прихода Сан-Хосе (Аракатака) № 12, лист 126, пометка 324. Гарсиа Маркес не мог родиться в 1928 году: в книге того же прихода № 11, лист 96, пометка 192 есть запись о рождении 8 сентября 1928 года его младшего брата Луиса Энрике.

Только когда мне перевалило за тридцать, мы наконец начали понимать друг друга и с течением времени все больше сближались. Несмотря ни на что, я многим обязан отцу: именно он привил мне любовь к чтению. Отец обожал литературу и всегда читал с упоением. Читал все, что попадалось под руку: классику, модные бестселлеры, журналы, рекламные буклеты, инструкции по использованию холодильников. Пропагандировавшийся им «культ чтения» в значительной мере повлиял на мое решение стать писателем.

6. Ваше отношение к своим детям и внукам?

Мои дети и внуки – это моя надежда и один из стимулов продолжать вести активный образ жизни. Мне, как и любому отцу и деду, хочется, чтобы дети и внуки воплотили в жизнь когда-то задуманное мной, но так и не осуществленное, поскольку всего себя без остатка я посвятил писательскому труду и не успел, а в каких-то случаях просто поленился сделать много важных дел...

7. В чем для Вас смысл жизни?

В том, чтобы реализовать себя, осуществить свою Главную Мечту и познать истинную любовь. У вашего журнала замечательное название – «Развитие личности». Человек не может стать личностью и тем более развиваться как личность, не вступив на свой собственный, данный ему Всевышним путь. Каждый из нас должен прожить именно свою, а не чью-нибудь жизнь. Это величайшая трагедия – уже в зрелом возрасте обернуться назад и осознать: все, что было в прошлом – не твое, чужое, непонятное, ненужное; впереди же – сплошная неопределенность и ... тотальное одиночество. Замкнутый круг... Что касается меня, то смысл моей жизни состоит в том, чтобы жить в полную силу и рассказывать о жизни.

Жизнь не может состояться без настоящей любви. Чувство любви дает стимул жить, украшает жизнь. Без любви жизнь не просто скучна. Она бессмысленна и бесполезна. Сердце, не пораженное вирусом любви, самым прекрасным и желанным недугом, черствеет, чернеет и рассыпается. Человек умирает из-за того, что его сердце перестает любить. Или устает любить. Если бы этого не происходило, весь мир, все человечество были бы совсем другими.

8. К каким добродетелям относитесь с наибольшим уважением?

К искренности. В нашем мире ее становится все меньше и меньше, она, точно шагреневая кожа, исчезает на глазах и потому приобретает особую ценность и

превращается из обязательного атрибута человеческой личности в какое-то особое качество.

9. К какому пороку относитесь с наименьшим снисхождением?

Ко лжи. Она не вызывает во мне ничего, кроме раздражения и отвращения.

10. Ваше любимое занятие?

Мое главное, любимое и в сущности единственное занятие – написание книг.

11. Если бы Вы были всемогущим волшебником, что бы Вы сделали?

Для себя...

Если говорить предельно честно, без высокопарных расплывчатых фраз, то я бы избавился от докучающей мне болезни.

Для близких...

Совершил бы такие поступки для их блага и счастья, которые находятся за гранью моих скромных «земных» возможностей...

Для своей деятельности...

Изъял бы из числа написанного мной роман «Сто лет одиночества». Или, на худой конец, переписал бы его. Мне стыдно за эту книгу, потому что мне в силу ряда причин не хватило времени написать ее как следует.

